

САТИРИЧЕСКИЕ КОМЕДИИ К. КРАПИВЫ

Выход в свет нового издания произведений К. Крапивы — радостное событие для многочисленных поклонников таланта этого замечательного комедиографа.

В истории советской сатиры опыт К. Крапивы занимает большое место. Его пьеса «Кто смеется последним» дает много материала для понимания того, какой должна быть наша советская сатирическая комедия.

В чем сила этой комедии?

Мне кажется, что, прежде всего — в полнокровности большинства образов. Туляга, Зелкин, Горлохватский стали фигурами нарицательными. Кроме того, «Кто смеется последним» (не в пример многим иным сатирическим комедиям) — смешная комедия. Причем автор использует здесь различные оттенки смеха: от добродушной иронии — в адрес Туляги, до сарказма — в адрес горлохватских и зелкиных.

О мастерстве писателя можно судить уже по экспозиции пьесы. У К. Крапивы это не просто сюжетная экспозиция, это одновременно и экспозиция характеров.

К. Крапива подготавливает появление действующих лиц пьесы соответствующими характеристиками. Так, из уст тети Кати и Ничипора мы узнаем о некоторых свойствах характера Горлохватского. Значит, Зелкина. К моменту же сюжетной развязки (доклад Горлохватского на ученом совете) характеры раскрываются исчерпывающе.

Невозможно столкнуть характеры в конфликте, если не будет самих характеров. И, наоборот, внутренний мир образа, его своеобразная человеческая индивидуальность могут быть переданы только в серьезном идейном столкновении, в действии, в борьбе. Комедия богата не только характерами и острым конфликтом. В ней есть и подлинно сатирическая трактовка сюжета.

★
Д. ОРЛОВ,
народный артист БССР
★

Сколько огорчений, сколько боли причинили честным советским людям Горлохватский и его подручные! Сколько крови испортили они профессору Черноусу, ложно обвиненному ими во вредительстве, Туляге, которого запугали сговором с денгизинским полковником! Борьба Горлохватского и Зелкина против Черноуса богата острыми положениями. Нелегко дается честным советским людям победа. Но силы зла терпят поражение. И это поражение носит характер остроумного и гневного осмеяния.

К. Крапива — писатель глубоко национальный. Народный характер его творчества особенно полно скаывается в меткости языка действующих лиц комедии. Сравните, как разговаривают Горлохватский и Ничипор, тетя Катя и Анна Павловна, Черноус и Зелкин. Каждому из них автор дает точные речевые характеристики. Впрочем, это отдельная, большая тема. О языке К. Крапивы следует говорить особо. Здесь хочется только отметить, что образ Туляги стал великолепным «сплавом индивидуального и общего», в частности, благодаря хорошо разработанной речевой характеристике.

Туляга — любимый образ драматурга. Зритель и читатель смеются до слез, знакомясь с этим честным, но робким, смешным и беспомощным человеком.

После встречи с незнакомцем, принявшим Тулягу за денгизинского полковника, Туляга живет в атмосфере острых волнений и забот. В этом образе элементы сатиры сливаются с глубоким драматизмом. Трудно вспомнить в классической комедии характер, который вызывал

бы такое удивление, восторг и сочувствие, какое вызывает Туляга, разоблачивший своими действиями горлохватчину. К этому созданию можно подойти с меркой самых высоких образцов.

А. Н. Островский считал, что «комедия — лучшая форма к достижению нравственной цели». Говоря так, великий драматург имел в виду, конечно, высокую комедию. Вот к такой высокой комедии, помогающей людям «достигать нравственные цели», должна быть отнесена и комедия «Кто смеется последним».

Этим-то, собственно, и объясняется «долговечность» пьесы. Написанная в 1938 году, она до сих пор украшает репертуар многих театров Советского Союза.

А вот у комедии «Милый человек» — иная судьба. Поставленная впервые в 1946 году, она нигде и никогда после этого не ставилась. В чем же тут дело?

Высказывались разные предположения. Но многие сходились на том, что комедия стала «жертвой» неверного понимания типического в литературе и театре. И что большая вина лежит на нашей критике, которая, дескать, дезориентировала театры. Вот и в недавно вышедшей статье А. Адамовича и Н. Перкина («Дружба народов», № 1, за 1957 г.) обвиняются некие «вульгаризаторы от критики», которые, мол, готовы не только конфликт или какой-нибудь сюжетный ход, но даже и художественный прием писателя расценивать «по педантичной мерке, как определенное соответствие или несоответствие «расстановке сил» в обществе». И когда, дескать, в комедии выводится какой-либо жулик или проходимец, «вульгаризаторы» кричат «о поклоне на советскую действительность».

В этом ли дело? И так ли уж все-таки наши критики «вульга-

ризаторы», что в состоянии «отметить» хорошую пьесу?

Мне думается, что комедия «Милый человек» не прозвучала мощно потому, что главное действующее лицо, главный объект осмеяния Жлукта-Чарский оказался слишком мелким лицом для большой сатиры (вспомните жлуктинские «дела»!). В «Милом человеке» мало и смеха, и по той простой причине, что дезертирство, блат и жульничество настолько бесспорные и отвратительные пороки, что в них, по существу говоря, отсутствуют элементы комического.

Мелковаты и партнеры Жлукты. Посмотрите, на какие мелочи издерживают они свою жизнь. Конягин мечтает о таких несложных вещах, как выпить и закусить. Праменный — на то, чтобы «отбить» жену у Жлукты. Клава — чтобы быть «отбитой». А главный «положительный» персонаж Язва — на равнодушное созерцание всего этого.

И, наконец, где тот драматический узел, в который были бы втянуты все герои? Жлукта почти ни с кем не соприкасается. В пьесе ему никто не мешает. Поэтому он вынужден... сам срывать с себя личину. Что он и делает.

Комедия так построена, что по существу «попытка носителя зла» развить свою зловедную деятельность с момента обнаружения Язвой выброшенного Жлуктой военного билета должна быть по логике нашей жизни разоблачена и пресечена незамедлительно.

Но «положительный» герой комедии, драматург Язва, не разоблачает и не пресекает зла: он дает возможность злу распространиться, чем и вызывает раздражение и нелюбовь к себе читателей-зрителей.

Не могут советские люди принять такого «положительного» героя. Не могут потому, что Язва существует в пьесе не для обострения конфликта с силами зла, а... для сглаживания его.

Наша критика, подчеркивая «драматическую изобретательность» со-

здателя «Милого человека», не заметила, что в данном случае изобретательность сыграла ослабляющую пьесу роль. У сцены имеются свои законы. Если драматург вводит в пьесу лицо, «сочиняющее» пьесу, или лицо «от автора», или лицо, «ведущее» пьесу, то оно должно существовать отдельно от «действующего» в спектакле лица. Такое лицо не может быть одновременно и действующим. Или то или другое! Для драматурга это должно быть так же важно, как и для режиссера, который особенно придирчив бывает при определении конфликта, при обнаруживании участников конфликта, т. е. действующих и контрдействующих сил пьесы. Активность и напряженность сценического «боя» не только желательны, но и обязательны. Это — неперемнное качество лучших образов драматургии, показатель их сценичности.

Насколько выиграла бы комедия, если бы авторский гнев был обращен на тех, кто потворствует распространению очагов стяжательства, бюрократизма, угодничества и подхалимства! Горлохватские, горловы, грацианские и им подобные — вот материал для большой сатиры.

Театры испытывают сейчас большую нужду в хороших комедиях. Взгляните на афиши, и вы увидите, что репертуар наших театров перенасыщен комедиями западных авторов. Разве это не говорит о недостатке хорошего советского современного комедийного репертуара?

Драматургия К. Крапивы росла в самой тесной связи с театром имени Янки Купалы. Яркие сценические качества, свойственные драматургии К. Крапивы, приобретались автором в результате творческой связи с лучшими режиссерами и актерами этого театра. Мы знаем также, как оживает искусство режиссера и актера, когда они имеют дело с пьесами, подобными комедии «Кто смеется последним».

С большим нетерпением ждут зрители появления новых комедий К. Крапивы.